

аббревиатур медицинских терминов, используемых при описании болезней пищеварительной, нервной, сердечно-сосудистой и дыхательной систем.

Ключевые слова: аббревиатура, медицинская терминология, сокращение английских медицинских терминов, англоязычные истории болезней, особенности употребления английских медицинских терминов.

Solianenko O. L. Formation and Usage Features of Medical Terminology Abbreviations in English Case Reports.

The article deals with various types of abbreviation usage in English medical case reports. The meticulous attention is paid to linguists' different view points on classification and reducing lexical units in medical terminology. The features of lexical and graphic medical abbreviations in English are highlighted. The phenomenon of abbreviation as a clipping (creation by shortening) and its types (apocope, apheresis, syncope and their word-forming combinations) is considered. The relevant examples of these reductions from English medical case reports are given. Some examples concerning Latin borrowing medical abbreviations are dealt with. Different types of graphic abbreviations for the same medical term are presented. Some variants of possible abbreviations of medical terms used in describing diseases of the gastrointestinal, nervous, cardiovascular and respiratory systems are explored.

Keywords: abbreviation, medical terminology, reduction of English medical terms, English medical case reports, peculiarities of using English medical terms.

УДК 81'373.612.2

Стоянова Е. В.
Шуменский университет
имени Епископа Константина Преславского,
Республика Болгария

ЭПОХАЛЬНОСТЬ МЕТАФОРЫ КАК КОГНИТИВНЫЙ ПРИЗНАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ

В статье рассматривается метафора как синкретический способ представления лингвокультурной ситуации. Эпохальность в качестве принципа функционирования метафоры выступает когнитивным маркером лингвокультурной ситуации и понимается как свойство метафоры подчеркивать принадлежность к определенному времени путем кодирования восприятия эпохи и способа взаимодействия с реальностью. Посредством метафоры осуществляется отображение настроения эпохи, специфики мировидения национально-культурной общности в рамках того или иного временного среза. Метафорическая номинация предстает формой и средством выражения национального сознания.

Ключевые слова: метафора, эпохальность, сознание, лингвокультурная ситуация.

Интерес исследователей к метафоре не угасает на протяжении нескольких тысячелетий. Свидетельством этому является и современное изучение метафоры в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, когда языковые явления рассматриваются в тесной связи с когнитивными процессами функционирования, хранения и структурирования информации, и оформления новой методологии как нового этапа постижения взаимодействия языка и мышления, языка и культуры (Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, М. Джонсон, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, Н. А. Кузьмина, Д. Лакофф, В. А. Маслова, М. В. Никитина, Е. О. Опарина, А. Ортони, П. Рикер, Э. Рош и др.). Метафора представляется сложным и многогранным феноменом мышления, культуры, языка и речи. Она действует на уровне языка, выполняя номинативную функцию и существуя в виде мертвой, то есть устойчивой, метафоры в его словарном запасе. Метафора функционирует на уровне

речи, вспыхивая в процессе речевого акта в виде живой метафоры в том или ином дискурсе. Немаловажным является ее действие и на уровне модели мира, где метафора как модельный конструкт структурирует и концептуализирует окружающую действительность в сознании человека на основе осмысленного знания, опыта и традиций национально-культурной общности.

В современной науке метафора воспринимается в качестве организующего дискурс структурного элемента, модельного конструкта, когнитивной модели. По мнению Е. С. Кубряковой, на одном полюсе континуума находится “стереотипная, клишированная и почти автоматически совершаемая речь, для описания которой, возможно, и достаточно небольшого аппарата с небольшим типом конструкций и единиц. Зато на другом полюсе этой деятельности – новаторство, творчество, выходы за установленные барьеры” [3, с. 112]. В иерархическую совокупность разнородного знания в дискурсе включаются разнообразные составляющие (информационная, культурная, социальная и другие), находящиеся в состоянии когезии. Значит, и метафора как показатель стереотипа и проявления творчества имеет указанные характеристики и выступает важной составляющей дискурса. С дискурсом связано сознательное или неосознанное использование языковой личностью утвержденных в лингвокультуре схем и моделей, необходимых для решения коммуникативных задач.

В современной науке активно эксплуатируется понятие лингвокультурной ситуации (далее – ЛКС), которое уже занимает позиции “константы этнической культуры”. Мы базируемся на теории лингвокультурной ситуации, принципы которой разрабатывает В. М. Шаклеин, обобщая и систематизируя опыт российских и европейских культурологов [9]. Под ЛКС понимается совокупность языка и культуры в их территориально-социальном взаимодействии, понимаемом как динамическое равновесие, в границах определенного региона или административно-политического образования в рамках определенного временного среза.

Можно утверждать, что ЛКС – это проявление своего рода моделирования мира на определенном этапе развития национально-культурной общности. ЛКС фиксирует корреляцию между состоянием общества и уровнем сознания социума в рамках определенного временного среза, проявляющуюся в специфике языковой репрезентации. Процессы глобализации, характерные для современного мира, стимулируют культурно-языковые процессы в рамках современной ЛКС. В. М. Шаклеин обращает внимание на тот факт, что “данная глобальность – не что иное, как развитие глубинных культурных основ, на которых собственно и держится вся история этноса” [10, с. 175]. Поступательное движение лингвокультуры характеризуется определенными изменениями, суть которых отображается в рамках определенного временного среза лингвокультурной системы, то есть фиксируется определенной лингвокультурной ситуацией. ЛКС фиксирует корреляцию между состоянием общества и уровнем сознания социума в рамках определенного временного среза, проявляющуюся в специфике языковой репрезентации.

В рамках данной статьи выявляются возможности метафоры как модельного конструкта, характеризующего ЛКС, а также намечаются функциональные принципы и особенности действия метафоры как когнитивного и языкового маркера ЛКС.

В силу метафоричности концептуальной системы человека, метафора является одним из основных механизмов, обеспечивающих в сознании человека структурирование действительного мира и накопленного им опыта. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона [4, с. 392–415], концептуальная система человека содержит определенный набор конвенциональных метафорических проекций, используемых человеком подсознательно, автоматически – это так называемые

концептуальные метафоры (их называют еще базисными, ключевыми или ценностно-прототипными) как некая фундаментальная идея видения мира. К таковым относятся антропоморфная, социальная, природная и артефактная метафоры. Они представляются наиболее важными в мыслительной и речевой деятельности человека в силу того, что они формируют концептуальные структуры более глобального уровня – когнитивные модели. Последние базируются на физическом и культурном опыте человека и лежат в основе когнитивного моделирования мира.

В рамках когнитивной парадигмы исследований метафоре отводится важная роль в кодировании информации и ее трансформации из концептуальной области наблюдаемого ментального пространства на ненаблюдаемое. Выступая видением одного объекта через другой, она осуществляет структурирование ментального знания и его репрезентацию в языковой форме. Причем метафора относится не к отдельным изолированным объектам, а к сложным мыслительным пространствам, которые соотносятся с более простыми и конкретными. Метафоры структурируют человеческое восприятие, мышление и действия, являясь тем конститутивным элементом, организующим и упорядочивающим понятийную систему человека. Креативная природа метафоры обуславливает ее участие в процессе формирования нового восприятия, осознания и отображения объективной реальности.

Поступательное движение лингвокультуры характеризуется определенными изменениями, суть которых отображается в рамках определенного временного среза лингвокультурной системы, то есть фиксируется определенной лингвокультурной ситуацией. Метафора воспринимается в качестве синкретического способа ее представления. С помощью метафоры как способа концептуализации мира происходит оформление некой ментальной целостности в рамках определенной ЛКС, ведь метафоры, порожденные той или иной ЛКС, основываются на традиционном мировосприятии и миропонимании, характерном для представителей данной лингвокультуры. В рамках сложившейся национально-культурной общности формируется специфичная система информационной конвенциональности, имеющая конститутивное значение в процессе метафорического отражения действительности. Следовательно, метафорическая картина мира оказывается в прямой зависимости от лингвокультуры и формируется под влиянием лингвокультурной среды, отражающей особенности культурных приоритетов национально-культурной общности на определенном этапе. Метафорическое моделирование как средство постижения и представления мира отражает, с одной стороны, процесс исторического формирования национально-культурной общности и многовековой опыт человечества, а с другой – фиксирует определенную степень его развития, то есть конкретную ЛКС. Таким образом, метафорическая картина является отражением мыслительной активности нации и представлением специфики ее развития в рамках той или иной лингвокультурной ситуации.

Синкретизм метафоры как способа концептуализации мира проявляется в ее умении объединять и соотносить культурные ценности и опыт нации с новой реальной действительностью, что обуславливает способность метафоры, с одной стороны, оказывать влияние на состояние лингвокультурной среды на определенном временном срезе, а с другой – отражать лингвокультурную ситуацию как степень развития сознания лингвокультурной общности.

Посредством метафоры происходит сочленение во времени модели реального мира и его преломления в сознании человека с последующим вербальным отображением. На этом основании можно говорить об эпохальности метафоры как одном из ее основных функциональных маркеров. Эпохальность понимается как

свойство метафоры подчеркивать принадлежность к определенному времени, иными словами, обеспечивать соотносимость метафоры с определенной ЛКС посредством кодирования восприятия эпохи и способа взаимодействия с реальностью. Указанная черта проявляется в отображении с помощью метафоры определенного настроения эпохи, специфики мировидения национально-культурной общности в рамках того или иного временного среза. В данном случае метафорическая номинация предстает формой и средством отображения национального сознания.

В рамках той или иной ЛКС наблюдается различная активность базисных метафор, а смена ЛКС часто приводит к смене ключевой метафоры и порождает новые субмодели. Основным признаком эпохальной метафоры можно считать новизну, поскольку метафора является реакцией на перемены. Обновление концептуальной метафоры достигается за счет подвижности ее структурно-семантических связей (путем актуализации или деформации известных ассоциативных соотношений, а также возникновения новых).

В работах многих лингвистов (Х. Ортега-и-Гассет, О. Шпенглер, И. К. Голенищев-Кутузов и др.) осуществляется попытка с помощью метафоры как особого типа мировосприятия определить некую ментальную целостность определенного временного среза культуры, воссоздается портрет эпохи и фиксируется дух времени. По характеру такой метафоры и ее смысловой и социальной направленности, как пишут А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов, можно понять менталитет общества в тот или иной период его развития [1]. Метафора точно передает состояние эпохи, поскольку толчком к ее формированию служит фактор особого эмоционального напряжения как отображения времени.

Однако метафора становится эпохальной спустя некоторое время с момента ее появления, и тогда она уже определяется в качестве доминанты определенной эпохи. Такая метафора позволяет увидеть то, что является самым характерным, важным, неотъемлемым и специфическим для указанного периода времени. Метафора – это та схема, по которой живет человек и воспринимает окружающий его мир. Метафоры как модели, подобно эпохам, сменяют одна другую, высвечивают одни ассоциации и связи и оставляют в тени другие. Например, в процессе развития лингвистической науки актуализируются различные субмодели антропоморфной метафоры: биологическая концепция *языка как организма* порождает метафоры: *живой, мертвый язык*; сравнительные теории предлагают метафору родства: *языковая семья, родственные языки* и т. п. А. П. Чудинов подчеркивает, что исследование базисных метафор – это своего рода ключ к выявлению особенностей национального сознания на определенном этапе развития общества [11, с. 86–93].

Метафорический калейдоскоп как возможность отображения обновления и подвижности метафоры является отличительным показателем ЛКС. Например, телесный код является древнейшим универсальным способом концептуализации мира. Формирование соматической метафоры тесно связано с магическими действиями и архетипическими представлениями людей, находящихся во власти мифологического мышления. Погруженный в мир мифа человек, познавая окружающую его действительность, ищет подобия и сравнивает мир с самым доступным и хорошо известным ему объектом – своим телом. Восприятие и понимание мира, а соответственно и его концептуализация, осуществляется сквозь призму человека и по его модели. Таким образом, в основе первоначальной концептуализации мира оказывается модель ‘мир ~ человек’: *в двух шагах, под рукой, на носу* и др.

Ключевая метафора не исчезает, а переходит на уровень подсознания, пополняя своеобразную ячейку культурной памяти, продолжая невидимую смыслоформирующую

работу, чтобы вспыхнуть вновь в новом виде. С позиций антропоцентрической парадигмы, человек познает мир через осознание самого себя и своей деятельности в нем, структурирует его по своему образу и подобию. Такой способ концептуализации, несмотря на то, что указанная метафора является самой древней и традиционной, занимает центральное место и в современной жизни. А в современных медиатекстах телесная метафора становится орудием и средством отображения традиционного мировосприятия и реакцией на происходящие в обществе перемены. С. С. Гусев считает, что антропоморфная метафора, будучи фундаментальной в античной и средневековой культурах, возвращается в современный процесс познания, но уже в новых вариантах [2]. Возможно поэтому современную эпоху называют антропологическим ренессансом.

Метафора фиксирует изменения в восприятии мира: сферическое, характерное для античности, сменяется христианским пониманием жизни как временного состояния, когда утверждается метафора 'пути'. Средневековую культуру пронизывает метафора 'суда'. На смену ей приходит видение мира как 'цепи' бытия, передающей точность и последовательность событий-звеньев. Эпоха барокко воспринимает мир как 'театр' или описывает его с помощью метафор 'сна', 'загадки' и 'обмана', воплощающих разные аспекты театральности. Новое индустриальное время приносит с собой метафору 'производства, механизма', когда человек и общество воспринимаются в виде сложной машины. В XIX и XX веках, отличающихся смещением стилей, выделяются такие метафоры, как 'мир – организм' и 'мир – топка'. В эпоху постмодернизма появляется характеристика мира как 'лабиринта', тогда же формируются представления о мире как 'тексте' или 'языке' – и это далеко не полный список эпохальных метафор в процессе развития мировой цивилизации (см. подр. [7, с. 79–103]).

Эпоха тоталитаризма представляется военной метафорой и метафорой механизма, а период перестройки М. С. Горбачева прочно вошел в сознание в виде строительной метафоры. Данные примеры метафор являются визитной карточкой той или иной эпохи, яркой иллюстрацией, определенной ЛКС. Г. Пауль замечает, что по метафоре можно увидеть, какие интересы преобладают в народе в ту или иную эпоху, какие идеалы заложены в основу культуры на том или ином этапе ее развития [6, с. 115]. Например, милитарная метафора расширяет сферу своего влияния на спорт, при этом метафора становится более агрессивной и дополняется визуальными символами и образами (в частности, разъяренный медведь на плакатах российских болельщиков): *Интрига в борьбе за титул чемпиона России по футболу в третьем круге премьер-лиги возрастет* (РИА Новости, 06.11.2011); *Нам необходимо подтянуться к конкурентам, чтобы не выпасть из турнирной борьбы во второй восьмерке* (Спорт-Экспресс, 06.11.2011).

Продолжительное функционирование определенной модели приводит к утверждению в сознании человека стереотипного представления, а кодификация метафоры означает пополнение языкового инструментария мертвыми (устойчивыми) метафорами. Метафоры эпохи, как правило, не имеют авторства, они часто основываются на конкретных метафорах или на целом метафорическом ряде, передающем атмосферу времени. Такая метафора выделяется на фоне других метафор своей яркостью и специфичностью. И совсем не обязательно, чтобы одна единственная метафора создавала портрет эпохи. ЛКС может быть охарактеризована с помощью ряда концептуальных метафор. С течением времени им на смену приходят другие, более точно отвечающие специфике новой ЛКС. И. П. Меркулов отмечает, что «культурная информация, представленная в виде образов, символов, знаков и т. д.,

смысл которых в той или иной степени остается скрытым, неосознаваемым или неэксплицированным, может выступать эффективной доминантой индивидуального поиска, эмоциональным личностным мотивом, целиком и полностью вовлекающим субъекта в процесс познания и практического преобразования как природного мира, так и мира культуры» [5, с. 19–20]. Таким образом, новая эпоха высвечивается сквозь призму образов и национально-культурных ценностей национально-культурной общности.

Новая ЛКС как новый поворот общественной мысли в лингвокультуре, переход нации на новый виток сознания, связанный с новым этапом развития общественно-политических и социально-экономических отношений, находит свое отображение в меняющейся концептуальной метафоре. Смена метафоры определяется изменениями общественного сознания и зависит от «эмоциогенного стимула» [8, с. 187, 189], в результате действия которого возможна ситуация угасания метафоры (то есть потеря собственно эмоционального заряда), что ведет к ее исчезновению или кодификации в языке.

Метафора как универсальная модель, преломленная сквозь призму общественного сознания, становится знаковой характеристикой своего времени. Ее ресурсы неисчерпаемы. Научно-технологическое развитие России способствует расширению сфер-источников метафоризации. Достижения XX века: ядерная энергетика и компьютерные технологии дают возможность предположить, что ключевыми метафорами понятийного освоения мира в ближайшем будущем может стать, например, М-модель ‘мир – компьютер’. А развитие нано-технологий, несомненно, станет основой метафоризации будущего. Примеры компьютерной и «нано-метафоры» уже фиксируются в современном российском медиадискурсе: *Главам правительств есть что обсудить и в двустороннем формате* (Независимая газета, 15.06.2012); *Партия („Правое дело” – Е.С.) требует **перереформатирования*** – считает эксперт (Независимая газета 16.03.2011); *Путин благословил создание идеальной **нано-России*** (Аргументы.ру, 07.08.2012); ***Нанореволюция** в ритме самбо* (Независимая газета, 03.11.2011); *В Кировской области началась большая **НАНО-стройка*** (ГК, Gorodkirov.ru, 27.07.2012).

Таким образом, метафорическая картина мира оказывается в прямой зависимости от лингвокультуры и формируется под влиянием лингвокультурной среды, отражающей особенности культурных приоритетов национально-культурной общности. При этом метафора воспринимается в качестве синкретического способа представления лингвокультурной ситуации. Особенностью функционирования метафоры представляется ее эпохальность, воспринимаемая в качестве когнитивного маркера изменений ЛКС, лингвокультурного кодирования эпохи. Эпохальная метафора характеризуется инновативностью. При этом ее обновление базируется на подвижности структурно-семантических связей и осуществляется путем актуализации или деформации уже известных ассоциативных векторов, а также возникновения новых. Метафора предстает формой и средством выражения национального сознания.

Л и т е р а т у р а :

1. *Баранов А. Н.* Русская политическая метафора : материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М. : Институт русского языка РАН, 1991. – 193 с.
2. *Гусев С. С.* Упорядоченность научной теории и языковая метафора / С. С. Гусев // *Метафора в языке и тексте.* – М., 1988. – С. 119–133.
3. *Кубрякова Е. С.* Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1986. – 156 с.

4. *Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 387–415.
5. *Меркулов И. П.* Научное познание : когнитивно-эволюционный ракурс / И. П. Меркулов // Научный прогресс : когнитивный и социокультурный аспекты / [отв. ред. И. П. Меркулов]. – М., 1993. – 197 с.
6. *Пауль Г.* Принципы истории языка / Г. Пауль. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. – 501 с.
7. *Свирепо О. А.* Образ, символ, метафора в современной психотерапии / О. А. Свирепо, О. С. Туманова – М. : Изд-во Института психотерапии, 2004. – 270 с.
8. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурный аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 285 с.
9. *Шаклеин В. М.* Лингвокультурная ситуация и исследование текста / В. М. Шаклеин. – М. : Общество любителей российской словесности, 1997. – 184 с.
10. *Шаклеин В. М.* Лингвокультурология : традиции и инновации / В. М. Шаклеин. – М. : Флинта, 2012. – 306 с.
11. *Чудинов А. П.* Российская политическая метафора в начале XXI века / А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2008. – Вып. 1 (24). – С. 86–93.

References :

1. *Baranov A. N.* Russkaya politicheskaya metafora. Materialy k slovaryu [Russian political metaphor. Materials for the dictionary] / A. N. Baranov, Yu. N. Karaulov. – М. : Institut russkogo yazyka RAN, 1991. – 193 s.
2. *Gusev S. S.* Uporyadochennost nauchnoy teorii i yazykovaya metafora [The orderliness of the scientific theory and the language metaphor] / S. S. Gusev // Metafora v yazyke i tekste. – М., 1988. – S. 119–133.
3. *Kubryakova E. S.* Nominativnyy aspekt rechevoy deyatel'nosti [Nominative aspect of speech activity] / E. S. Kubryakova. – М. : Nauka, 1986. – 156 s.
4. *Lakoff J.* Metaforы, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by] / J. Lakoff, M. Johnson // Teoriya metafory. – М. : Progress, 1990. – S. 387–415.
5. *Merkulov I. P.* Nauchnoye poznanie: kognitivno-evolyucionnyy rakurs [Scientific knowledge: a cognitive-evolutionary perspective] / I. P. Merkulov // Nauchnyy progress: kognitivnyy i sociokulturnyy aspekty / [otv. red.: doctor filosofskikh nauk I. P. Merkulov]. – М., 1993. – 197 s.
6. *Paul G.* Principy istorii yazyka [Principles of the History of Language] / G. Paul. – М. : Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1960. – 501 s.
7. *Sirepo O. A.* Obraz, simvol, metafors v sovremennoy psihoterapii [Image, symbol, metaphor in modern psychotherapy] / O. A. Svirerpo, O. S. Tumanova. – М. : Izd-vo Instituta Psihoterapii, 2004. – 270 s.
8. *Teliya V. N.* Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiyq lingvokulturnyy aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic, linguocultural aspects] / V. N. Teliya. – М. : Yazyki russkoy kulturu, 1996. – 285 s.
9. *Shaklein V. M.* Lingvokulyurnaya situatsiya i issledovaniya teksta. [Linguistic and cultural situation and text research] / V. M. Shaklein. – М. : Obzchestvo lubiteley rossiyskoy slovestnosti, 1997. – 184 s.
10. *Shaklein V. M.* Lingvokulturologiya: tradicii i innovatsii [Lingvokulturology: traditions and innovations] / V. M. Shaklein. – М. : Flinta, 2012. – 306 s.
11. *Chudinov A. P.* Rossiyskaya politicheskaya metafora v nachale XXI veka [Russian political metaphor at the beginning of the 21st century] / A. P. Chudinov // Politicheskaya lingvistika. – Ekaterinburg, 2008. – Vyp. 1 (24). – S. 86–93.

Стоянова Є. В. Епохальність метафори як когнітивна ознака лінгвокультурної ситуації.

У статті розглядається метафора як синкретичний спосіб представлення лінгвокультурної ситуації. Епохальність як принцип функціонування метафори виступає когнітивним маркером лінгвокультурної ситуації та розуміється як властивість метафори підкреслювати приналежність до певного часу шляхом кодування сприйняття епохи та способу взаємодії з реальністю. Через метафору здійснюється відображення настрою епохи, специфіки світобачення національно-культурної спільноти в рамках того чи іншого часового зрізу. Метафорична номінація є формою та засобом вираження національної свідомості.

Ключові слова: метафора, епохальність, свідомість, лінгвокультурна ситуація.

Stoyanova E. V. Epochality of Metaphor as Cognitive Sign of Linguistic and Cultural Situation.

The paper is devoted to metaphor as a syncretic way of representing of linguistic and cultural situation. The epochality is reviewed as a principle of metaphors functioning. It is a cognitive marker and a property of metaphor to emphasize belonging to a certain time by coding the perception of the epoch and the way of the interaction between the nationality and given reality. The mood of the epoch and the specificity of the worldview of the national cultural community within the framework of a given time transmit by means of determined metaphor. The metaphorical nomination appears as a form and means of expressing the national consciousness.

Keywords: *metaphor, epochal, consciousness, linguistic and cultural situation.*

УДК 81'373.612.2

Стретович Т. П.
Національний педагогічний університет
імені М. П. Драгоманова

КЛАСИФІКАЦІЙНЕ РОЗМАЇТТЯ ВИДІВ МЕТАФОР

Статтю присвячено розробці комплексної класифікації метафор. Подано історичні факти з дослідження та опису метафори. Розглянуто метафору як мовний засіб сьогодення, що активно використовується всіма учасниками комунікації, часто невідомо. Охарактеризовано функції метафори в мовленні. Наголошено на унікальності та важливості цього тропу, що підтверджено висловлюваннями видатних діячів літератури та філософії. Для ілюстрації поданого матеріалу наведено цілу низку метафор.

Ключові слова: *класифікація метафор, мовний засіб, функції метафори, троп.*

Метафора є ефективним засобом мовного вираження. Вона досить глибоко досліджена у філософсько-гносеологічному, семіотичному, семантичному та ономазіологічному аспектах. Мовознавці розглядають метафору в різних стилях. Найбільш дослідженою є метафора в художній літературі (поезії, прозі) [5, с. 83].

Багатогранність метафори та її активне використання як в усному, так і в писемному мовленні зумовлюють дослідницький інтерес до вивчення цього тропу, а, отже, й актуальність розвідок, пов'язаних з цією проблематикою.

Метою статті є висвітлення класифікаційного розмаїття видів метафори як актуального мовного засобу.

Завдання:

- визначити критерії, за якими класифікуються метафори;
- описати різні види цього тропу;
- проілюструвати розмаїття представлених видів.

Витоки вивчення метафори представлені працями Арістотеля, Квінтіліана, Анандавардхана та ін. філософів [7, с. 66].

Як вже зазначалося в наших попередніх дослідженнях, Арістотель ще у IV столітті до нашої ери у своїй книзі “Поетика” дав визначення метафори, обґрунтував її використання й навів перші приклади метафор. Під метафорою він розумів “перенесення слова зі зміною значення або з роду на вид, або з виду на рід, або з виду на вид, або за аналогією” [2, с. 113]. Видатний давньогрецький мислитель також писав, що з часом до метафори додають те ім'я, якого стосується метафора, що його замінює. Наприклад: якщо чаша так само стосується Діоніса, як щит – Арея, то чашу можна назвати *щитом Діоніса*, а щит – *чашею Арея*.